

УДК 321.011

МОДЕЛИ СУВЕРЕНИЗАЦИИ НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

А.Б. Молдокеева

Описываются этапы суверенизации новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР; проанализированы документы и материалы по их созданию и становлению, определены модели суверенизации.

Ключевые слова: суверенизация; распад СССР; новые независимые государства; институционализация суверенитета.

THE MODELS OF SOVEREIGNIZATION OF NEW INDEPENDENT STATES

A.B. Moldokeeva

The author of the article described stages of sovereignization of new independent states, created after the collapse of the Soviet Union, analyzed some information about the establishment and the development of new states and determined models of sovereignization as well.

Key words: sovereignization; the collapse of the Soviet Union; the new independent states; institutionalization of sovereignty.

Суверенизация, т. е. процесс обретения суверенитета, наряду с глобализацией и демократизацией, является одним из важнейших политических явлений современности, поскольку внутривнутриполитический процесс демократизации как совокупности изменений, конституирующих систему политического представительства, а также внешнеполитические процессы включения в глобализацию и регионализацию возможны только для сформировавшихся, устоявшихся и состоявшихся суверенных государств. Без завершения процесса институционализации суверенитета, без утверждения статуса состоявшегося государства полноценное участие новых независимых государств в мировой и региональной политике оказывается трудновыполнимой задачей.

Суверенитет как классический принцип, согласно которому конечная, высшая власть над составляющей государство территорией и над населением, проживающим на этой территории, принадлежит только государству, и утверждение о том, что суверенитет является одним из основных принципов современного мироустройства, подвергается критике в рамках различных политических подходов и политологических концепций [1]. Наиболее известной среди них является теория размягчения суверенитета. Но, с точки зрения автора, реальные процессы суверенизации новых государств на Балканах, Кавказе и в Цен-

тральной Азии, “многие из которых предпочитали воевать за утверждение суверенитета, а не мириться с его отмиранием” [2], доказывают ограниченность этой теории.

Хронология движения республик к суверенитету свидетельствует о том, что на стадии распада СССР (1988–1990 гг.) ими был провозглашен государственный суверенитет, который, тем не менее, ограничивался пребыванием в составе СССР.

Декларации всех республик также содержали положение о том, что они выступают основой для заключения Союзного договора, т. е. фактически признавали ограниченный статус провозглашенного суверенитета [3].

Результатом принятия всеми союзными республиками деклараций о суверенитете стала постановка вопроса о радикальном обновлении Союза. В марте 1991 г. был проведен Всесоюзный референдум о сохранении обновленного Союза, а Договор о Союзе Суверенных Государств предполагалось подписать 20 августа 1991 г., но Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) 18–21 августа сорвал его подписание.

8 декабря 1991 г. главы Белоруссии, России и Украины заключили Соглашение, в котором констатировалось прекращение существования СССР как “субъекта международного права и геополитической реальности” и провозглашалось создание Содружества Независимых Государств (СНГ) –

межгосударственного объединения, не имеющего статуса государства. 21 декабря 1991 г. к Соглашению присоединились в качестве независимых государств Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

26 декабря 1991 г. Верховный Совет СССР подтвердил фактический и юридический распад Советского Союза [4]. Завершающим этапом стало международное признание новых государств и их прием в члены ООН [5].

После международного признания государственной независимости в 1992 г. бывшие советские республики встали перед необходимостью институционализации суверенитета, т. е. формирования новых политических и государственных структур, принятия конституций и всего массива законодательства, регулирующего общественные отношения, выстраивания внешнеполитических связей с соседними государствами и определения своих приоритетов при вхождении в мировую политическую систему.

Особый исследовательский интерес, по мнению автора, вызывает процесс институционализации суверенитета новых независимых государств Центральной Азии, где формирование политических институтов начиналось буквально “с нуля”. Здесь, в отличие от остальных постсоветских государств, процесс институционализации суверенитета опирался только на внутренние ресурсы: традиционные социальные отношения и культуры народов региона, большую значимость этнической идентичности, личный авторитет политических лидеров. В результате, в Казахстане, Таджикистане и Узбекистане была воплощена модель авторитарной институционализации суверенитета, характеризующая тем, что все важнейшие элементы суверенизации – институт выборов, многопартийность, разделение властей, экономические реформы – оказываются зависимыми от “ядра” политической системы, которым является институт президентства.

В Туркменистане, который многие эксперты относят к разряду тоталитарных государств, логика суверенизации, по мнению автора, такова: от построения государства и обеспечения его независимости на первом этапе при помощи ресурсов тоталитаризма до авторитарной модернизации – на втором. В настоящее время можно говорить о его вхождении в группу государств с авторитарной моделью суверенизации.

Авторитарная модель институционализации суверенитета, реализованная в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане, основана на неореалистской парадигме, утверждающей, что без обеспечения суверенитета государства никакие

другие задачи (в том числе демократические реформы) не могут быть решены [6].

С теоретической точки зрения, такая модель соответствует классическому определению основной функции суверена – осуществлению “абсолютной непрерывной власти государства” (Ж. Боден). Как это ни парадоксально, она позволила центральноазиатским государствам отвечать новым международным критериям суверенитета, в частности, выполнять обязанность защиты своего населения от масштабных социально-политических конфликтов (яркий пример – прекращение гражданской войны в Таджикистане), тем самым предотвращая угрозу утраты суверенитета.

Осуществленная в Кыргызстане либеральная модель институционализации суверенитета заслуживает особого внимания, поскольку выпадает из общей логики постсоветской модернизации в странах Центральной Азии. Этот вопрос приобретает еще большую остроту в контексте опасности утраты страной обретенного суверенитета.

Для суверенного Кыргызстана ресурсами суверенитета изначально стали образ “островка демократии” [7] и финансовая и институциональная поддержка стран-доноров и международных организаций. Это не соответствовало национальным традициям и ценностям, культурным особенностям и макроэкономическим условиям страны.

В республике при наличии поста президента не смог сформироваться институт президентства, бесконечная борьба между главой государства, законодательной и исполнительной ветвями власти по поводу разграничения полномочий окончилась двумя революциями – 2005 и 2010 гг., масштабным межэтническим конфликтом и массовыми человеческими жертвами.

Кыргызстан – это единственная страна в Центральной Азии, где изменения и поправки в Конституцию вносились девять раз: в 1994, 1996, 1998, 2001, 2003 гг., ноябре и декабре 2006 г., в октябре 2007 г. и, наконец, в июне 2010 г. была принята новая Конституция. Но не прошло и года после ее вступления в силу, как в мае 2011 г. возникло “Движение-93”, выступающее за возврат к Конституции КР 1993 г. [8].

Результатом этого стала угроза превращения Кыргызстана в несостоявшееся государство, реальная возможность утраты государственного суверенитета, которая зафиксирована в “Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы”. В частности, в документе сказано: “...многие международные эксперты и наблюдатели по-прежнему относят Кыргызстан в разряд “недееспособных” государств. Подвергаются сомнению перспективы

самой кыргызской государственности”. Не менее значимой задачей является социально-экономическое развитие, и это обусловлено “объективным для Кыргызстана обстоятельством, что на современном этапе именно состояние экономики является главным фактором суверенитета и национальной безопасности страны” [9].

Перед Кыргызстаном стоит задача институционализации суверенитета, формирования ядра системы государственной власти, которое способно принять на себя “ответственность по защите” и выполнение других международных критериев состоявшегося государства. Президент КР А.Ш. Атамбаев счел необходимым объявить 2014 г. Годом укрепления государственности, но он также считает, что “назрела необходимость провести анализ действующего законодательства и Конституции Кыргызской Республики для выявления норм, содержащих потенциальные риски дестабилизации и дезорганизации власти, скрытые угрозы единству и целостности страны в будущем. <...> Создание системы сдержек и противовесов, защищающей правовую систему от принятия деструктивных решений в процессе взаимодействия ветвей государственной власти, должно стать приоритетным направлением в ходе совершенствования законодательства и проведения административной и судебной реформ” [10].

Таким образом, на постсоветском пространстве осуществлены различные модели суверенизации: “демократическая” (прибалтийские республики, Армения, Грузия и Молдавия) – характеризуется использованием опыта государственности до их вхождения в состав СССР; “авторитарная” (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения) – отличается опорой на ресурсы советской системы путем сохранения у власти бывших партийных лидеров через наделение их полномочиями президента как гаранта суверенитета; “либеральная” (Кыргызстан) – основывающаяся на признании стирания границ между внутренней и международной политикой и доминирования международных организаций в оценке любых политических событий [11].

По мнению автора, обеспечение реального суверенитета Кыргызстана требует изменения модели суверенизации, которая должна учитывать на-

циональную самобытность, региональную специфику и внешнеполитическую обстановку.

Литература

1. Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта / А.А. Сергунин // Политэкс. 2010. № 4. URL: <http://www.politex.info/content/view/756/30/>
2. Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе / А. Богатуров // Международные процессы: Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2004. № 4. URL: <http://www.intertrends.ru/four/002.htm>
3. К Союзу суверенных государств: сб. док. КПСС, законодат. актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящ. проблеме нац.-гос. суверенитета / сост. А.И. Доронченков. М., 1991.
4. Декларация Совета Республик Верховного Совета СССР в связи с созданием Содружества Независимых Государств. Москва, Кремль, 26 дек. 1991 г. № 142-Н // Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 52. 25 дек. URL: <http://vedomosti.ssr.ru/1991/52/#1561>
5. Справочник по практике Совета Безопасности – Дополнение за 1989–1992 годы. URL: http://www.un.org/ru/sc/repertoire/89-92/89-92_12.pdf#page=4
6. Waltz K. Theory of international politics. Reading: Addison-Wesley, 1979.
7. Человек без середины. Бишкек, 1993.
8. Резолюция “Движения–93”. URL: http://www.bishkekinfo.kg/news/index/category_id/40
9. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы. Утв. Указом Президента КР от 21 янв. 2013 г. № 11. URL: http://www.president.kg/ru/news/ukazy/1466_tekst_natsionalnoy_strategii_ustoychivogo_razvitiya_kyirgyizskoy_respubliki_na_period_2013-2017_godyi/
10. Указ Президента Кыргызской Республики “Об объявлении 2014 года Годом укрепления государственности” от 30 янв. 2014 г. URL: <http://mfa.gov.kg/contents/view/id/243>
11. Mendelson B. Sovereignty under Attack: the International Society Meets the Al Qaeda Network / B. Mendelson // Review of International Studies. 2005. Vol. 31.